

Понимание и реализация инклюзии в российских музеях

Мария Щекочихина

Музей современного искусства «Гараж», Москва

Этот материал опубликован в номере 01 «Доступность и инклюзия в современном искусстве: transitory parerga», под ред. Влада Струкова.

Цитировать: Щекочихина М (2020) Понимание и реализация инклюзии в российских музеях. *The Garage Journal: исследования в области искусства, музеев и культуры*, 01: 98-123. DOI: 10.35074/GJ.2020.1.1.008

Ссылка на материал: <https://doi.org/10.35074/GJ.2020.1.1.008>

Дата публикации: 30 ноября 2020 года

Понимание и реализация инклюзии в российских музеях

Мария Щекочихина

В статье рассматриваются особенности понимания инклюзии в российской музейной среде на примере двух выставок: «Единомышленники» (Музей современного искусства «Гараж», 2016) и «Искусство быть» (Государственный центр современного искусства, 2019), а также проектов, последовавших за этими выставками. Описываются основные концепции инклюзии, рассматриваются истоки появления понятия инклюзии в дискуссионном поле музеев, исследуется влияние различных концепций инклюзии на инклю-

зивные практики российских музеев. Проводится сравнительный анализ подхода двух культурных институций к пониманию инклюзии с опорой на международную практику. Проведенный анализ систематизирует опыт существующих практик и показывает, что на сегодняшний момент в российских музеях все еще не сложилась единая трактовка понятия инклюзии, и музейные сотрудники оказываются в ситуации выбора вектора инклюзивных программ и их позиционирования.

Ключевые слова: инвалидность, инклюзивное образование, инклюзивные программы в музеях, инклюзия, модели понимания инвалидности, разнообразие

В последние пять лет российские музеи вслед за музеями США и Европы движутся в сторону инклюзии. Особенно активно в этом направлении работают московские музеи. Сегодня во многих столичных музеях есть отделы инклюзивных программ или, по крайней мере, программы, направленные на создание доступной среды и комфортных условий для посетителей. В 2015 году появился первый в России отдел инклюзивных программ в Музее современного искусства «Гараж» (2015а). Через год ГМИИ им. А.С. Пушкина (2016) запустил программу «Доступный музей», направленную на создание доступной среды для посетителей с разными особенностями. Государственный Дарвиновский музей и вовсе был открыт для широкой аудитории, в том числе для людей с инвалидностью¹, практически с момента своего основания в 1907 году; сегодня в музее существуют инклюзивные программы (Дарвиновский музей, 2016). Также инклюзивные практики активно развиваются в Фонде V—A—C, Музее русского

импрессионизма, Музее-заповеднике «Царицыно», Государственной Третьяковской галерее, Государственном историческом музее. В 2019 году в Политехническом музее появился совет по доступности. И если еще пять лет назад об инклюзии в музеях только начинали говорить, то сегодня это понятие и сопутствующие ему практики уже достаточно прочно закрепились в сознании музейных сотрудников. С каждым годом растет количество инклюзивных мероприятий; растет и количество дискуссий вокруг темы инклюзии. И нет сомнений, что музеи не откажутся от инклюзии в ближайшие годы.

В России поворотным моментом в области инклюзивных практик в сфере культуры стал Приказ Министерства культуры РФ от 16 ноября 2015 года № 2800 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов культурных ценностей и благ» (Министерство культуры РФ 2015). С этого момента музеи, галереи, театры и другие культурно-досуговые центры обязаны обеспечивать доступную среду для людей с инвалидностью. Для общемирового контекста характерно более широкое понимание инклюзии, подразумевающее обеспечение доступности для людей с различным опытом. В частности, это фиксирует Международный совет музеев (ИКОМ). Так, в 2020 году тема организуемого ИКОМ (ICOM 2019) Международного дня музеев звучала следующим образом: «Музей как пространство равных возможностей: разнообразие и инклюзия». Изменение нормативно-правового поля в сфере доступности культуры утвердило инклюзию в качестве одного из важнейших направлений развития российских музеев, что, в свою очередь, изменило музейную стратегию в отношении выставочной деятельности, просветительской программы, работы с аудиторией. В процесс архитектурного проектирования теперь активнее включается обсуждение наиболее успешных решений с точки зрения доступности пространства: не только физической (оборудование пространства пандусами, лифтами, тактильными мнемосхемами), но и гарантирующей интуитивно понятную и удобную навигацию. Изменения коснулись также способов предоставления посетителям информации, в том числе и информации на цифровых носителях. Сегодня самые крупные российские музеи предлагают глухим посетителям информацию на русском жестовом языке, незрячим людям — экскурсии с тактильными моделями и описанием объекта, посетителям с особенностями ментального развития — экскурсии с наиболее четкой логикой повествования с использованием инструментов, позволяющих освоить и запомнить новую информацию (чек-листы, коммуникативные карточки). Более того, в некоторых музеях появились программы по работе с людьми старшего возраста. Подобные программы направлены на сохранение коммуникации между старшим поколением и молодежью; также их целью является ознакомление людей старшего возраста с современным контекстом, из которого некоторые из них могли быть по тем или иным причинам исключены. Некоторые программы делятся на детские и подростковые, что позволяет более точно учитывать особенности восприятия посетителей, их интересы и возможности. В музеях наблюдается еще одна тенденция — развитие программ по работе

с людьми с миграционным опытом и опытом вынужденного переселения.

Актуализация инклюзивных практик естественным образом послужила темой для кураторских исследований, которые легли в основу двух выставок: «Единомысленники» (Музей современного искусства «Гараж», 2016) и «Искусство быть» (Государственный центр современного искусства, 2019), сравнительный анализ которых предложен в данной работе. Выбор данных проектов для анализа связан с тем, что они стали первыми выставками в России, исследующими понятие инклюзии в музейном пространстве; более того, обе выставки переросли в долгосрочные проекты, путешествующие по регионам страны и взаимодействующие с местными сообществами. Выставка «Единомысленники» впервые открылась в 2016 году в Музее современного искусства «Гараж». Позднее проект был представлен и в других культурных институциях: в 2017 году в Ельцин-Центре (Екатеринбург) и в 2019–2020 годах в Арсенале (Нижний Новгород) (Музей современного искусства «Гараж» 2019). Выставка «Искусство быть» переросла в продолжающийся проект с одноименным названием, в рамках которого уже состоялись выставки во Владикавказе (май — август 2020), а также в Музее истории Выксунского металлургического завода (сентябрь — октябрь 2020); своего открытия ждут выставки в краснодарской «Типографии» (ноябрь — декабрь 2020) и вновь в Москве (март 2021).

Рост интереса к теме инклюзии очевиден, однако проблематичным остается раскрытие сущности самого понятия инклюзии в контексте стратегии развития музея и его программ. Главный вопрос: что подразумевают под инклюзией сотрудники российских музеев, когда формируют сетку инклюзивных программ, проводят конференции, круглые столы и дискуссии на тему инклюзии в музее, позиционируют выставки как инклюзивные? Какие мероприятия и проекты могут считаться инклюзивными? На кого направлены инклюзивные программы?

Основная сложность в определении инклюзии в том, что современный инклюзивный дискурс и в России, и за рубежом развивается на разных уровнях в разных сферах общественной деятельности. Согласно модели австралийского исследователя Флетчера Фаррингтона (Farrington 2002), люди могут быть исключены из пяти систем:

1. социальной (семья, рынок труда, район проживания, сообщества);
2. экономической (доступ к экономическим ресурсам и социальным благам);
3. институциональной (законодательная система, образование, здравоохранение, правовая защита);
4. территориальной (миграция, доступность коммуникаций);
5. системы символических отношений (идентичность, самооценка, мотивация).

Следовательно, инклюзивные практики, направленные на преодоление исключения и дискриминации, могут быть реализованы как минимум в пяти направлениях. Гетерогенность дискурса об инклюзии и многомерность этого понятия обуславливают сложившуюся на сегодняшний момент

ситуацию выбора, перед которым стоят музейные сотрудники, только начинающие обращаться к инклюзии или стремящиеся развить, доработать и осмыслить уже существующие программы. Музейная инклюзия как таковая, в основном, не претендует на разработку отдельной концепции инклюзии в форме особых музейных практик². Сотрудники музеев прибегают к многолетнему практическому опыту и теоретико-методологическим исследованиям специалистов в смежных областях: философии, антропологии, психологии, социологии и педагогике. Это, в свою очередь, также является причиной отсутствия единой стратегии инклюзивных программ в музеях. Новизна темы и отсутствие определенной традиции инклюзивных практик объясняют растущее количество дискуссий об инклюзии среди сотрудников музеев. Обращение к разным методологиям обусловило сложившуюся ситуацию идеологически не соответствующих друг другу инклюзивных программ и активного диалога между музейными сотрудниками. Выявление подходов, которые могут послужить для них методологическим подспорьем, позволит систематизировать уже накопленные музейными сотрудниками знания.

Цель данного исследования — выявление тенденций развития инклюзивных практик в российских музеях и раскрытие понятийно-категориального аппарата, который ложится в основу конкретных инклюзивных практик. Задачи работы: рассмотреть существующие концепции инклюзии и исторический контекст зарождения инклюзивного дискурса, сравнить российские выставочные проекты и сопровождающие их публичные программы, позиционирующиеся как инклюзивные, проанализировать влияние на них различных концепций инклюзии, проанализировать характер этих практик. Малая степень изученности вопроса о теоретических основах инклюзивных программ в музеях обязывает обратиться к зарубежным исследованиям и трактовкам инклюзии, разработанным в отрыве от музейного контекста. Более того, необходимо рассмотреть сформировавшееся в российском научно-исследовательском поле понимание инклюзии. Динамично развивающаяся область музейной инклюзии требует анализа конкретных сюжетов музейной деятельности, поскольку на данном этапе зарождения традиции инклюзивных практик конкретные кейсы представляют единственно возможным источником данных в силу отсутствия систематизации этих практик. Таким образом, сформулированная проблема определяет междисциплинарный и сравнительный характер исследования, соответствующий методам компаративистского подхода. Исследование начинается с рассмотрения классических концепций инклюзии и их генезиса. Далее описывается формирование инклюзивного дискурса в России и его особенности. Наконец, предлагается сравнительный анализ двух выставочных проектов, заявленных как инклюзивные и транслирующих ценности инклюзии.

Классические концепции инклюзии

Первое и пока единственное исследование понимания инклюзии в музейной среде было предпринято американской исследовательницей Лорой-

Эдит Колман (Coleman 2018) в книге «Понимание и внедрение инклюзии в музеях» (*Understanding and Implementing Inclusion in Museums*). Работа Колман посвящена понятию инклюзии и преломлению его смысла в американской музейной среде. Автор описывает несколько концепций, сложившихся в инклюзивном дискурсе в США. В первую очередь, пишет она, понятие инклюзии тесно связано с концепцией разнообразия (Coleman 2018: 11). Концепция разнообразия (*diversity*), как и инклюзия, на протяжении нескольких десятилетий претерпевала изменения; само понятие разнообразия расширялось и включало все новые аспекты. Впервые о разнообразии начали говорить в США во второй половине прошлого столетия как о принципе равных возможностей при трудоустройстве. Причем изначально концепция разнообразия не подразумевала инаковость вообще, но касалась конкретных проблем, связанных, с одной стороны, со статусом женщины в стране, а с другой — с процессами, приведшими в итоге к десегрегации американского народа. Позднее, уже в 1960-е, в США наблюдался расцвет общественных движений, выступающих против дискриминации по расовому, этническому, религиозному, возрастному и половому признакам (McCormick 2007: 2). Параллельно событиям в США похожие события происходили и в Европе. В связи с этим концепция разнообразия уже на начальном этапе имела в виду не только проблемы, связанные с трудоустройством тех или иных социальных групп, но и весь комплекс гражданских прав, а также привилегии обладания ими.

Сегодня под разнообразием понимается идея многогранного общества, которое основано на принятии и уважении всего спектра характеристик человека в их социальном, историческом и культурном контекстах, а также на понимании того, что каждый человек, семья и социальная группа обладают уникальностью, неповторимыми особенностями, которые рассматриваются как ценность. Эти различия относятся к возрасту, гендеру, сексуальной ориентации, расовой, этнической, религиозной принадлежности, физическим и ментальным особенностям, уровню образования и дохода, семейному положению и другим особенностям, составляющим индивидуальность (Eller 2015: 37). Концепция разнообразия не сводится к толерантности как к терпеливому отношению к особенностям, но является следующим шагом от толерантности, то есть принятием особенностей и осознанием ценности уникальных характеристик. Толерантность оказывается недостаточной мерой для разнообразного общества, поскольку, как отмечал еще Гёте, «Терпеть — значит оскорблять» (*«Dulden heißt beleidigen»*) (Goethe 1974: 493). Разнообразие не является синонимом равенства, поскольку предполагает внимание ко всем особенностям и принятие решений соответственно этим особенностям, то есть подразумевает изначальное неравенство, уравновешенное предоставлением равных возможностей при учете индивидуального. Идея разнообразия не равна плюрализму, поскольку последний не включает в себя смысл позитивной оценки многообразия. Установка на убежденность в ценности Другого оказывается основой успешной коммуникации между индивидами. Она необходима, чтобы сдерживать окончательное размытие границ и потерю

какой-либо определенности, возникающих в процессе отказа от Другого и, соответственно, от себя самого. Сегодня разнообразие — это мировой тренд в сфере образования, бизнеса, а также социологии, антропологии, правозащитной деятельности. В связи с тем, что концепция разнообразия включала в себя взаимодействие с совершенно разными социальными группами, инклюзивные практики расширялись от работы с конкретными социальными группами и проблемами, которые возникали у них в связи с их статусом, до более обширной деятельности по предоставлению доступной среды тем людям, которые по тем или иным причинам не обладают доступом к определенным общественным благам. В рамках этой концепции отношения этих двух понятий — инклюзии и разнообразия — рассматриваются как отношение средства к цели. Другими словами, разнообразие — то, чего стремятся достичь, а инклюзия — то, каким образом этого можно достичь. То есть инклюзия — это органон в рамках более широкой концепции разнообразия; инструмент, поддерживающий разнообразие.

Далее Колман (Coleman 2018) переходит к рассмотрению еще одной концепции инклюзии, представленной в практике американского музейного сообщества. Согласно этой концепции, под инклюзией следует понимать совокупность практик и инструментов, противостоящих социальной эксклюзии (социальному исключению). Понятие инклюзии как метода борьбы с исключением из общественных процессов имеет довольно долгую историю и связано сразу с несколькими историческими событиями. Его основы коренятся в идее естественного права, процветающей в эпоху Просвещения, однако имеющей тысячелетнюю историю. На основе идей просветителей были созданы и приняты Билль о правах в Великобритании (1689), Билль о правах в США (1791) и Декларация прав человека и гражданина во Франции (1789), без которых сегодня не мыслится международное правовое поле. Вторая мировая война вновь инициировала обсуждение прав человека. Следствием этого обсуждения стало принятие Всеобщей декларации прав человека на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 года. Последняя поспособствовала укоренению в общественном сознании идеи, что «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» (Всеобщая декларация прав человека, Ст. 2). Колман (Coleman 2018) отмечает, что впервые понятие социальной эксклюзии было сформулировано во Франции в 1970-е годы как указание на экономическое неравенство и социальную дезинтеграцию. Позднее концепция социальной эксклюзии/инклюзии распространилась за пределы Франции. Чуть позже, на стыке двух тысячелетий, музеям было предложено обратиться к данной концепции, чтобы вновь реализовать себя в качестве агента социальной интеграции, как было в XIX веке, когда музей приобщал человека к культуре в ее модернистском понимании. Музей таким образом должен был переосмыслить свою деятельность

и выявить все проявления социальной эксклюзии: пересмотреть ценовую политику, выставочные планы, образовательные проекты (Sandell 1998). В рамках концепции социальной эксклюзии/инклюзии понятие инклюзии возникает как решение проблемы социальной эксклюзии (Allman 2013: 7), которую американская исследовательница Хилари Силвер (Silver 1994), ссылаясь на антрополога Мартин Ксиберрас, определяет как результат постепенного разрушения социальных и символических связей (значимых в экономическом, институциональном и индивидуальном планах), которые в нормальных условиях скрепляют индивида и общество (Silver 1994: 534). Исходя из подобной трактовки эксклюзии, инклюзия представляет собой комплекс мер по сохранению и наращиванию социальных и символических связей, объединяющих индивида и социум. На практике сохранение социальных связей может быть представлено обеспечением доступа к тем или иным социальным благам, а также предоставлением со стороны общества равных возможностей каждому индивиду, несмотря на его особенности или причастность к той или иной социальной группе. Под возможностями имеется в виду доступ к своевременному и полному удовлетворению потребностей, а также реализации стремлений каждого индивида.

Еще одна важная концепция инклюзии объясняется сквозь призму образовательной политики. Инклюзия появляется как альтернатива специальному обучению внутри дискуссий об образовании. Как отмечает Роберт Осгуд (Osgood 2005), автор книги об инклюзии в США ("The History of Inclusion in the United States"), история этого понятия органично следует за дискуссиями о слиянии специального образования с общим. Анализ данной концепции вновь отсылает к эпохе Просвещения. В XVIII веке в Европе появляются первые учебные заведения, обеспечивающие обучение детям с инвалидностью:

«Специальное образование как самостоятельное направление педагогической науки и практики достаточно молодо, ему менее двухсот лет. Отсчет принято вести от момента появления в Европе в конце XVIII в. первых специальных классов для детей с сенсорными нарушениями» (Малофеев 1996: 12).

Специальное образование подразумевало дифференциацию обучающихся, разделение их на людей с инвалидностью и без инвалидности. Подобная сегрегация приводила к замкнутости сообществ обучающихся с инвалидностью, поскольку они были ограничены в контактах, что приводило к низкому уровню их социализации. Специальная педагогика основывалась на медицинской модели понимания инвалидности, признающей инвалидность нехваткой возможностей, проблемой, которую необходимо решить для дальнейшего включения человека в социум. Другими словами, человеку было необходимо избавиться от инвалидности, чтобы получить возможность наравне с другими обучающимися без инвалидности получать образование, что, по своей сути, невозможно.

Парадоксальность применения медицинской модели в сфере образования инициировала разработку новой модели понимания

инвалидности — социальной модели³. Инклюзивные практики опираются на социальную модель, которая предполагает, что нехватка некоторых возможностей является не сущностным качеством человека, но результатом общественного (без)действия. Согласно социальной модели понимания инвалидности, решение нехватки возможностей заключается в создании безбарьерной среды (Shakespeare 2010: 197–205). Как отмечает Светлана Алехина (2013), медицинская модель понимания инвалидности оказывала свое влияние примерно до 1965 года. С тех пор начинается исследование возможностей совместного обучения (детей с инвалидностью и детей без инвалидности) и разработка новых педагогических методик, которые ведутся параллельно в европейских странах (в Скандинавии), США и Японии (Алехина 2013: 9). Хотя цель у всех вышеперечисленных государств была одна — объединение детей с инвалидностью и без инвалидности в одном классе — каждое государство выбирало свой путь достижения этой цели. Например, в скандинавских странах интеграция детей с инвалидностью осуществлялась, в основном, нормативным и практическим путем. С подобной практикой связан термин «нормализация», определяющий работу с людьми с инвалидностью как интеграцию, направленную на насильственное навязывание культуры и ценностей людей без инвалидности людям с инвалидностью. Другими словами, под нормализацией понимается приведение человека с инвалидностью в «нормальное» состояние, не отличающееся от состояния или положения человека без инвалидности (Gilor and Katz 2018: 2).

В США слиянию двух разных образовательных систем (специальной коррекционной и общей) предшествуют педагогические поиски и эксперименты. Поиски наиболее успешных решений по их объединению подвели к значимому для инклюзии событию. В 1994 году под эгидой ЮНЕСКО в городе Саламанка (Испания) прошла Всемирная конференция по образованию лиц с особыми потребностями, на которой понятие инклюзии было введено в научно-педагогический дискурс и были провозглашены принципы инклюзивного образования. В дальнейшем эти принципы были закреплены в Саламанкской декларации «О принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями», провозгласившей, что:

- «каждый ребенок имеет основное право на образование и должен иметь возможность получить и поддерживать приемлемый уровень знаний;
- каждый ребенок имеет уникальные особенности, интересы, способности и учебные потребности;
- необходимо разрабатывать системы образования и выполнять образовательные программы таким образом, чтобы принимать во внимание широкое разнообразие этих особенностей и потребностей;
- лица, имеющие особые потребности в области образования, должны иметь доступ к обучению в обычных школах, которые должны создать им условия на основе педагогических методов, ориентированных в первую очередь на детей, с целью удовлетворения этих потребностей;
- обычные школы с такой инклюзивной ориентацией являются наиболее эффективным сред-

ством борьбы с дискриминационными воззрениями, построения инклюзивного общества и обеспечения образования для всех» («Саламанкская декларация...» 1994).

Исходя из вышеперечисленных принципов сформулируем третью концепцию инклюзии. Инклюзия — это совокупность практик, направленных на борьбу с дискриминацией и обеспечивающих человеку с инвалидностью право на образование наравне с людьми без инвалидности на основе педагогических методов, учитывающих особенности восприятия каждого ученика.

Таким образом, можно выделить три основные концепции инклюзии, фундирующие инклюзивные практики в различных сферах деятельности человека, в том числе в музейной сфере. Каждая из концепций определяет особенности тех или иных инклюзивных практик, направленных на музейную аудиторию. Анализ показывает, что понятие инклюзии многомерно и не обладает единой трактовкой. Неоднозначность понятия отмечается многими авторами. В статье «Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия» Маргарита Астоянц и Ирина Россихина (2009) выделяют несколько причин сложившейся ситуации. Во-первых, отмечают они, данное понятие по-разному используется «теоретиками» и «практиками». Во-вторых, часто понятие инклюзии сводят именно к образовательным практикам по отношению к детям с инвалидностью, что ограничивает смысл инклюзии. В таком сложном виде понятие инклюзии существует и в российских научно-теоретических кругах.

Особенности понимания инклюзии в России

В России понятие инклюзии чаще всего подразумевает методологию образовательных практик. Среди ключевых работ в этом направлении следует отметить сборник «Инклюзивное образование. Выпуск 1» (2011); комплекс информационно-методических материалов «Инклюзивное образование в России» (2013), инициированный ЮНИСЕФ; учебное пособие «Педагогика и психология инклюзивного образования» (2003); статьи «Инклюзивное образование детей-инвалидов» (2014) Елены Ярославской-Смирновой и Инаргины Лошаковой, а также «Принципы инклюзии в контексте изменений образовательной практики» (2014) и «Инклюзивное образование: от политики к практике» (2016) Светланы Алехиной. Общим для всех этих работ является понимание инклюзии как комплекса мер по предоставлению детям с инвалидностью доступа к образованию с опорой на социальную модель понимания инвалидности.

В рамках социальной модели инвалидность рассматривается как совокупность барьеров, окружающих человека и не позволяющих ему сделать или получить то, что соответствует его желаниям (Ярская-Смирнова и Большаков 2018). Социальный подход к пониманию инвалидности сформулирован в Конвенции о правах инвалидов (2006):

«Инвалидность является результатом взаимодействия, которое происходит между имеющими нарушения здоровья людьми и отношенческими и средовыми барьерами и которое мешает их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими» («Конвенция о правах инвалидов» 2006).

Понимание инклюзии как обеспечения доступа детей с инвалидностью к образованию закреплено в российском законодательстве. 3 мая 2012 года был принят Федеральный закон «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» («Федеральный закон № 46-ФЗ...» 2012), что способствовало включению в закон «Об образовании в Российской Федерации» статьи номер 79 об инклюзивном образовании («Федеральный закон № 273-ФЗ...» 2012). Под инклюзивным образованием в законе подразумевается «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» (4, п. 27 ст. 2). Однако фактически данная статья регулирует отношения между преподавателем и обучающимся с инвалидностью, не закрепляя особый порядок в отношении людей с другими особенностями, что подтверждается ст. 5 настоящего закона:

«создаются необходимые условия для получения без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, для коррекции нарушений развития и социальной адаптации, оказания ранней коррекционной помощи на основе специальных педагогических подходов и наиболее подходящих для этих лиц языков, методов и способов общения и условия, в максимальной степени способствующие получению образования определенного уровня и определенной направленности, а также социальному развитию этих лиц, в том числе посредством организации инклюзивного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья» («Федеральный закон № 273-ФЗ...» 2012).

Другими словами, несмотря на то, что в законе отмечается необходимость учитывать разнообразие особенностей восприятия, понимание инклюзии и инклюзивного образования сводится к принципам работы с людьми с инвалидностью.

Вместе с тем более широкое понимание инклюзии, связанное с развитием концепции разнообразия, тоже проникает на территорию России, однако принятие этой концепции происходит только частично и касается лишь некоторых аспектов разнообразия, о чем также свидетельствует законодательство Российской Федерации. Например, в конце 2011 года был принят Федеральный закон № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2011), благодаря которому в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) появилась статья 5.62, согласно которой

«дискриминация, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства,

отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, — влечет наложение административного штрафа» («Федеральный закон № 273-ФЗ...» 2012).

Однако следует отметить, что несмотря на признание дискриминации правонарушением, 11 июня 2013 года Государственная дума приняла закон, дополняющий КоАП РФ статьей 6.21, устанавливающей ответственность за «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», а законопроект «О государственных гарантиях прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации» был отклонен Госдумой. Более того, 4 июля 2020 года в силу вступили поправки в Конституцию РФ, среди которых дополнение к статье 72 части 1, гарантирующее защиту института брака как союза мужчины и женщины, что исключает из понятия брака союз между людьми одного пола.

Принятые законы иллюстрируют сложившуюся в России неоднозначную ситуацию в отношении концепции разнообразия и понятия инклюзии. С одной стороны, закон запрещает дискриминацию по половой принадлежности, но с другой — не обеспечивает гарантий равных возможностей для реализации прав и свобод мужчин и женщин, а также признает законным только брак между мужчиной и женщиной, тем самым ограничивая в правах ЛГБТ-сообщество.

Таким образом, научно-педагогический дискурс и законодательство Российской Федерации основываются на концепции инклюзии как совокупности методов по обеспечению людей с инвалидностью равными возможностями в образовании. Следует предположить, что они оказывают взаимное влияние друг на друга, поскольку образовательная деятельность регулируется законодательством РФ, а теоретическая база законодательства накапливается благодаря научно-практической деятельности педагогов.

Представление об инклюзии как о принципах социальной политики, направленной на преодоление эксклюзии, также встречается как в теории социальной педагогики, так и в научных работах социологов и политологов. Наиболее распространенной трактовкой понятия социальной инклюзии является представление об инклюзии как об образовательных практиках, направленных на людей с инвалидностью (Афонькина 2015; Петров и Кантемирова 2019; Шаповал 2019). Однако «постепенно приходит понимание того, что инклюзивная роль института образования (как и других институтов общества) заключается не только в обеспечении доступа в образовательные учреждения, она гораздо шире. Образование дает молодому человеку возможность социальной инклюзии как в систему образования, так и в другие подсистемы общества. Необходимость определения этих возможностей заставляет пересмотреть цели и роль социальных институтов как агентов социальной инклюзии» (Россихина 2010). Татьяна Фурьева (2018) предлагает рассматривать инклюзию с позиции образовательных практик, направленных не только на людей с инвалидностью, но и на подростков, переживших опыт содержания в воспитательных

колониях, детей, оставшихся без попечения родителей, людей старшего возраста, людей с ментальной инвалидностью и др. Важно отметить, что подобный подход к пониманию инклюзии связан с концепцией непрерывного образования — образования на протяжении всей жизни (lifelong learning, LLL). Основным принципом предлагаемого подхода является отказ от анализа дефицитов и нехватки исключенного из социальных процессов человека и переход к анализу его ресурсов и потенциальных возможностей, а также взаимодействия с обществом. В политико-правовом поле понятие инклюзии встраивается в более глобальный дискурс гражданственности и цивилизованности государства и рассматривается как «принцип социального государства и гражданского общества, причем в контексте постиндустриального общества как развития сектора услуг и информации, новых типов ресурсов, модификации социальной структуры» («Инклюзия как принцип...» 2008: 6).

Таким образом, в России также наблюдается активная дискуссия вокруг понятия инклюзии. Анализ показывает, что вышеперечисленные концепции инклюзии встречаются в научно-педагогическом, политико-правовом и социокультурном поле, однако доминирующей представляется концепция инклюзии как образовательной программы для людей с инвалидностью. Необходимо исследовать влияние сложившегося инклюзивного дискурса на конкретные музейные практики. Далее к рассмотрению предлагаются две московские выставки, которые, на наш взгляд, позволяют сделать анализ представленного в музейной среде дискурса об инклюзии, а также сформулировать особенности понимания инклюзии в этой среде. Обращение именно к этим выставкам связано, во-первых, с их масштабностью, во-вторых, с намеренным позиционированием этих выставок как инклюзивных.

«Единомышленники»

Первая из них — выставка «Единомышленники», которая состоялась в 2016 году в Музее современного искусства «Гараж» и в дальнейшем была представлена в других культурных институциях — в Ельцин-Центре (Екатеринбург) и в Арсенале (Нижний Новгород). Особенно примечательным в выставке стал новый для России кураторский подход, подразумевающий соучастие посетителей в работе кураторов Анастасии Митюшиной и Марии Сарычевой. Проект создавался совместно с четырьмя постоянными посетителями с разными формами инвалидности: Евгением Ляпиным, Елизаветой Морозовой, Полиной Синевой и Еленой Федосеевой. В Екатеринбурге и в Нижнем Новгороде в качестве сокураторов выступили представители местного сообщества. В Москве вместе с кураторами проекта четверо посетителей были вовлечены в процесс отбора произведений, обсуждения и создания архитектуры выставки, формирования плана по экспонированию работ. Более того, совместно создавались информационные носители, включающие комментарии на русском жестовом языке,

тифлокомментарии и тактильные модели, позволяющие сделать выставку доступной для людей с инвалидностью.

Выставка объединила работы наиболее влиятельных художников последних десятилетий: Сесили Браун, Энтони Гормли, Маурицио Каттелана, Барбары Крюгер, Джона Миллера, Мелвина Моти, Роба Пруитта, Нео Рауха и многих других. Все работы так или иначе отсылали зрителя к различным аспектам социальных отношений. Например, работа «Рычаг» Энтони Гормли заставляет зрителя потерять равновесие, почувствовать дисбаланс, сравнимый с ощущением человека, потрясенного социальными изменениями. Произведение Маурицио Каттелана «Страус» отражало состояние самого художника, одновременно жаждущего признания и неуверенного в собственном успехе. Представленная скульптура Марка Куинна — одного из ключевых представителей «Молодых британских художников» — с говорящим названием «Недальновидность» демонстрировала человеческое равнодушие к событиям, напечатанным в газетах и от этого кажущимся читателю далекими и не касающимися его существа. Это переплетение человеческих отношений, чувств и эмоций кураторы объединяют с помощью понятия инклюзии.

«Идея инклюзивности переосмысливается за счет обнажения и предъявления на равных в музейном пространстве различных зрительских позиций, а активизация чувств осязания и слуха позволяет аудитории разного возраста и способностей взаимодействовать с искусством, обладая всей полнотой вариаций» (Музей современного искусства «Гараж» 2016).

Однако фактически инклюзия была представлена работой с сообществом людей с инвалидностью, и акцент был сделан именно на данную аудиторию и тему, в то время как посетителями музея могут быть совершенно разные люди, чьи особенности восприятия также важно учитывать: дети, люди старшего возраста, люди, не являющиеся носителями языка, на котором представлена вся сопровождающая выставку информация, и другие. Во-первых, сокураторами выставки выступили люди с разными формами инвалидности, что позиционируется создателями выставки как принцип создания инклюзивного проекта.

«Цель проекта — расширить понятие инклюзивности до категории взаимопонимания, отказавшись от нормативного высказывания и представив различные способы восприятия и обсуждения искусства: на протяжении многих лет художественные музеи существовали как пространство исключительно зрячих и слышащих людей и оттого “музейное сообщение” привыкло использовать преимущественно язык зрячего и слышащего человека», — экспликация к выставке в Нижнем Новгороде. (Музей современного искусства «Гараж» 2019).

Такая трактовка инклюзии не учитывает, что на протяжении многих лет художественные музеи также существовали как пространство исключительно белых цисгендерных носителей европоцентристской культуры, что подвергается критике в современном художественном дискурсе и неразрывно связано с развитием концепции разнообразия. Адаптационные

материалы, призванные обеспечить доступ к выставочному проекту, были рассчитаны на особенности восприятия посетителей с различными формами инвалидности, но не учитывали особенности восприятия человека, не считающего культурные паттерны, зашитые в выставочный проект. Вместе с кураторской экспликацией у работы посетитель мог обнаружить тифлокомментарий, представляющий собой вербальное описание визуального образа для незрячего человека, тактильные модели — рельефы, воспроизводящие плоскостное изображение в объеме и позволяющие дополнить образ, сложившийся у незрячего посетителя в результате прослушивания или чтения тифлокомментария, видеокomentarии на русском жестовом языке для носителей языка, а также текст в формате «простыми словами» (от англ. *easy-to-read* — «легко читать»), которым могут пользоваться люди с особенностями интеллектуального развития, испытывающие трудности в чтении и все те, кому по тем или иным причинам не подходит исходный кураторский текст.

Принцип инклюзии, согласно задумке кураторов, осуществлялся посредством диалога с единомышленниками. Воплощением этого диалога стало расположение рядом с художественным объектом кураторского комментария, сообщавшего об этом объекте базовую искусствоведческую информацию, и свободного эссе-впечатления единомышленника о данном произведении. Однако этот диалог не всегда поддерживался сопутствующей выставочному проекту серией публичных мероприятий. Выставку сопровождала публичная программа, которая включала в себя специально разработанные типы экскурсий, дискуссии и мастер-классы для посетителей с инвалидностью и без, тем самым разделяя аудиторию по принципу особенностей восприятия информации. Другими словами, адаптация мероприятий для определенной группы посетителей — глухих, незрячих посетителей или посетителей с особенностями интеллектуального развития — нарушала принцип инклюзии, то есть взаимодействие между посетителями с разными особенностями восприятия. Публичная программа поддерживала сегрегацию аудитории, предлагая специальные экскурсии для незрячих и слабовидящих, глухих и слабослышащих посетителей, а также экскурсии, ориентированные на посетителей с синдромом Аспергера и высокофункциональным аутизмом. Однако вместе с тем некоторые из мероприятий в рамках публичной программы поддерживали принцип диалога и плюрализма мнений и взглядов: в экскурсии по выставке, проводимой одним из единомышленников, могли принять участие как посетители с инвалидностью, так и без инвалидности. Полина Синева предлагала экскурсии на русском жестовом языке с переводом для слышащих посетителей, а Елена Федосеева, будучи незрячей, проводила экскурсии для зрячих посетителей, предварительно завязав им глаза.

Важно отметить, что комментарии кураторов и руководства Музея «Гараж» соответствовали более широкому пониманию инклюзии. Как отмечал директор «Гаража» Антон Белов,

«Единомышленники» — один из серии проектов Музея, придуманных, чтобы сделать его доступнее не только физически, но и на уровне интеллектуальной открытости максимальному числу

сообществ и аудиторий. Мы надеемся, что этот проект поможет нам выработать пути взаимодействия со зрителями, которым обычно музей современного искусства кажется чуждым» (Музей современного искусства «Гараж» 2016).

Участница проекта, единомышленник Елизавета Морозова, также говорила, что ей

«хотелось бы, чтобы люди, которые приходят в музей, видели связь экспозиции со своей жизнью и с теми социальными проблемами, с которыми они сталкиваются», поскольку «художественные музеи часто являются башнями из слоновой кости, которые не очень доступны на уровне понимания, и в них есть определенный снобизм в подготовке экспозиции». (Музей современного искусства «Гараж» 2016).

Она заметила, что целью работы было сделать выставочный проект понятным для самых разных людей, не обязательно для людей с инвалидностью (Музей современного искусства «Гараж» 2016).

Несмотря на стремление создателей проекта расширить понятие инклюзии как обеспечения комфортной среды для всех, выбранный кураторами подход все же закрепил представление об инклюзии в первую очередь как о практиках расширения и предоставления возможностей людям с разными формами инвалидности, минимизируя обсуждение инаковости и разнообразия в их полном смысле. Выделение именно людей с инвалидностью из всех социальных групп, «обычно исключенных из числа привычной музейной аудитории», оставило незамеченными другие — не менее исключенные — социальные группы.

Следует отметить, что подобному пониманию инклюзии на момент 2016 года соответствовала и внутренняя музейная структура. Вплоть до 2019 года в отделе инклюзивных программ Музея «Гараж» формально существовало только три направления: по работе с глухими и слабослышащими посетителями, незрячими и слабовидящими посетителями, а также посетителями с особенностями интеллектуального развития. В 2019 году было открыто направление по работе с людьми с миграционным опытом и опытом вынужденного переселения, что позволило музейным сотрудникам реализовывать программы для более широкой аудитории, трансформируя привычное узкое понимание инклюзии. Более того, начиная с 2020 года сотрудники отдела инклюзивных программ обращаются к новой для московского музейного сообщества концепции — концепции разнообразия. Первым шагом к исследованию данной концепции послужит цикл дискуссий «Новая этика, стигма и неравенство», исследующий новые способы взаимоотношения людей друг с другом в ситуации трансформации образов «своего» и «чужого» (Музей современного искусства «Гараж» 2020).

Анализ выставки «Единомышленники» показывает, что кураторы проекта и сотрудники музея, создававшие публичную программу, придерживались концепции инклюзии как совокупности практик по обеспечению доступной среды для людей с инвалидностью. В своей

работе музейные сотрудники следовали социальной модели понимания инвалидности, о чем свидетельствует участие посетителей с инвалидностью в подготовке выставки. Концепция инклюзии как противодействия социальной эксклюзии находит отражение в комментариях кураторов о ранее исключенных из музейного пространства социальных группах. Важно отметить, что подобранные для выставки художественные работы поднимают еще одну тему, тесно связанную с инклюзией, а именно тему заботы о Другом, которая подразумевается принципом безбарьерной среды. Представленные на выставке работы призывали зрителя к сочувствию и сопереживанию художникам или героям художественных произведений. Описанный процесс эволюции подхода отдела инклюзивных программ «Гаража» позволяет сделать вывод о том, что на деятельность сотрудников музея оказывает влияние концепция разнообразия, расширяющая поле работы от людей с инвалидностью к людям с разными особенностями и темам, связанным с репрезентацией различных социальных групп и их взаимодействием друг с другом.

«Искусство быть»

В 2019 году состоялся еще один выставочный проект, имеющий значение для профессионального сообщества, занимающегося развитием инклюзии в культурной среде. Выставка «Искусство быть» была организована Государственным центром современного искусства (ГЦСИ) в составе РОСИЗО совместно с Благотворительным фондом помощи тяжелобольным людям «Гольфстрим» в рамках программы фонда «Инклюзия в действии» и инклюзивной программы «ГЦСИ-РОСИЗО» «Современное искусство и особое восприятие». Кураторами выставки выступили Наталья Гончарова, Лариса Гринберг и Надежда Гура. Как и «Единомысленники», выставка «Искусство быть» строится на диалоге куратора и посетителя, однако в случае последней диалог начинается уже с момента отбора работ. Работы отбирались по результатам открытого конкурса, техническое задание для которого разрабатывалось педагогами, психологами, арт-терапевтами фонда «Гольфстрим» и кураторами проекта от ГЦСИ (РОСИЗО 2019). Как отмечают создатели выставки, важным критерием отбора художественных работ была доступность их восприятия для любой аудитории, в том числе «для людей с особенностями моторной, сенсорной, эмоциональной, коммуникативной, поведенческой, ментальной сфер» (РОСИЗО 2019). В результате отбора в экспозицию вошли семнадцать созданных специально для выставки индивидуальных и коллективных работ российских современных художников из разных регионов страны. Отличительной чертой выставки является включение неконвенциональных художников и отсутствие патерналистского отношения со стороны кураторов выставки. Среди художников, чьи работы были представлены на выставке, следует отметить участников студии «Особые художники», объединяющей людей с ментальными особенностями для создания живописной, декоративной и сувенирной продукции.

Включение в экспозицию произведений художников, чье творчество граничит с ремеслом, позволяет расширить понимание искусства, что, в свою очередь, действительно представляется следствием открытого мышления и обеспечивает доступ к искусству людям, часто оказывающимся исключенным из арт-среды. Также на выставке была представлена работа художника с аутизмом Маркуса Мартиновича, родившегося в 2006 году. Включение в экспозицию работ несовершеннолетнего художника с аутизмом может считаться жестом, критикующим дискриминацию людей как по признаку возраста, так и по наличию у них ментальных особенностей.

Инклюзивный подход кураторов касался не только взаимодействия с художниками, но и взаимодействия с аудиторией. Как было отмечено выше, важным критерием при выборе художественного произведения была его доступность для посетителей с инвалидностью. Большинство работ на выставке были тактильны и приглашали посетителя вступить с ними во взаимодействие. Например, работа Никиты Савостьянова, Андрея Воробьева и Александра Мигуцкого «Синестизатор» предлагала посетителям создать собственное аудиовизуальное произведение посредством своего тела. В основу работы легла идея терменвокса, воспроизводящего звук посредством свободного перемещения рук исполнителя в электромагнитном поле. Произведение Ирины Наховой «Трогательный опыт» представляло собой несколько полых кубов с плотно скрытыми от глаз посетителя объектами внутри куба и отверстиями в стенках, чтобы каждый смог нащупать и попытаться угадать, чего касаются его пальцы.

Публичная программа выставки представляла собой открытые лекции, круглые столы и мастер-классы и была направлена в первую очередь на дестигматизацию образа человека с инвалидностью в обществе. Были проведены мероприятия как для профессионального сообщества, так и для широкой публики. В рамках круглого стола «Построение инклюзивной культуры: возможности и ограничения» участницы Дарья Юрийчук, Елена Лесина, Екатерина Аксенова, Ксения Карпова, Альбина Джумаева и Лада Александрова обсудили, как различные учреждения (культурные и образовательные институции, спортивные учреждения, некоммерческие организации и другие) выстраивают коммуникационную модель, позволяющую расширять границы взаимодействия с людьми с инвалидностью. Подобные круглые столы позволяют специалистам обсудить различные сложности, возникающие при решении тех или иных задач, и позволяют найти новые форматы работы с аудиторией с инвалидностью. Всем посетителям предлагалось принять участие в воркшопе с автором студии «Особые художники» Вероникой Павленко, которая делилась опытом работы в студии художников с ментальными особенностями. Целью подобных воркшопов служит опровержение распространенного мнения в недееспособности людей с инвалидностью, что, в свою очередь, позволяет повысить уровень доверия к людям с инвалидностью как к специалистам и профессионалам.

Выставка «Искусство быть», как отмечалось ранее, получила свое продолжение и развитие в других регионах России. Она переросла в проект с одноименным названием, охвативший выставочные простран-

ства во Владикавказе, а также в Музее истории Выксунского металлургического завода; планируются выставки в краснодарской «Типографии» и вновь в Москве.

Как утверждают кураторы, цель проекта — сделать современное искусство понятнее и доступнее более широкой аудитории, и отмечают, что расширение в первую очередь направлено на людей с инвалидностью⁵. Организаторы проекта также подчеркивают в интервью, что данная выставка посвящена проблемам людей с инвалидностью.

«В настоящее время люди с ограниченными возможностями часто оказываются исключены из активной социальной жизни. Большинство произведений искусства им недоступно. Приобщение к искусству, занятия творчеством являются важнейшим социокультурным фактором развития личности и становятся частью социальной реабилитации. Это способствует комфортному выстраиванию отношений с другими людьми, формированию культурных ценностей, позволяет человеку раскрыть себя и расширить знания об окружающем мире», —

отмечала Марина Зубова, президент Благотворительного фонда «Гольфстрим» (РОСИЗО 2019). На сайте ЦСИ «Типография» сообщается, что продолжение выставки тематически будет связано с проектом «Лига нежных», инициированным куратором ЦСИ «Типография» Еленой Ищенко и сотрудником Государственной Третьяковской галереи, независимым куратором Марией Сарычевой. «Лига нежных» — проект, исследующий инвалидность в постсоветском пространстве и категорию заботы как одну из сторон дискуссии об инвалидности.

Помимо того, что все вышеперечисленные выставки объединены исследованием инвалидности, в основе всего проекта «Искусство быть» лежит тема реабилитации, соответствующая медицинскому подходу к пониманию инвалидности. Реабилитация подразумевает восстановление или компенсацию отсутствующих возможностей у индивида. Она подразумевает трансформацию человека с инвалидностью в целях включения его в социум, в то время как социальная модель понимания инвалидности предлагает производить трансформации в обществе. Как уже отмечалось выше, инклюзия соответствует не медицинскому, а социальному подходу к пониманию инвалидности. В связи с чем возникает вопрос о том смысле понятия инклюзии, которое транслируют кураторы и организаторы проекта. Используемый язык также соответствует медицинской модели понимания инвалидности, поскольку терминология «люди с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)», «люди, имеющие трудности в моторной, сенсорной, поведенческой, эмоциональной сферах», «реабилитация» и другие на сайте проекта указывают на причину инвалидности в самом человеке (Благотворительный фонд «Гольфстрим» 2019). Такой подход подразумевает, что причину инвалидности, то есть дословно «неспособности к действию», можно устранить благодаря медицинской практике — лечению, что не соответствует смыслу понятия инклюзии.

Таким образом, выставка «Искусство быть», как и выставка «Единомышленники», предлагает посетителю трактовку инклюзии в первую

очередь через понятие инвалидности, что соответствует тенденциям понимания инклюзии в образовательном и правовом дискурсах на территории Российской Федерации. Наблюдается одновременное обращение как к социальной модели понимания инвалидности, так и к устаревшей медицинской модели. Социальная модель понимания инвалидности выражена в работе кураторов с аудиторией, а именно в отборе работ, с которыми может взаимодействовать каждый посетитель, несмотря на свои особенности. Медицинская модель понимания инвалидности проявляет себя в реабилитационной функции проекта. Также организаторы выставки говорят об исключенности людей с инвалидностью из активной культурной жизни и позиционируют выставочный проект как решение проблемы социальной эксклюзии. Анализ проекта «Искусство быть» показывает четкий интерес организаторов к определенной социальной группе — людям с инвалидностью: это позволяет сделать вывод, что создателями проекта не рассматривалась концепция инклюзии как инструмента по поддержке разнообразия в обществе.

Заклучение

Анализ выставок показывает, что инклюзия в российских музеях не обладает своей собственной методологией и заимствует методологию из смежных областей знания: педагогики, психологии, социологии. Каждая из трех концепций инклюзии: 1) инклюзия как метод для создания и поддержания разнообразной среды; 2) инклюзия как решение социальной эксклюзии; 3) инклюзия как образовательные практики, направленные на людей с инвалидностью — находит свое отражение в музейной деятельности. Заметим при этом, что инклюзивный дискурс в России, сформировавшийся в области социальной педагогики, оказывает наиболее значительное влияние на понимание инклюзии музейными сотрудниками.

Наиболее распространенная и принятая в музейном сообществе трактовка — это инклюзия как работа по обеспечению доступной среды людям с инвалидностью. В рамках данной концепции в музеи активно привлекается аудитория с инвалидностью, для нее готовятся специальные материалы, адаптированные мероприятия, отдельной статьей выделяется финансирование на работу именно с этой аудиторией. Такая концепция инклюзии объясняет выбор стратегии работы не только по работе с аудиторией, но и по подбору специалистов, которые отвечают требованиям, сформулированным данной концепцией, а также может определять выставочный план, архитектуру выставки, выбор художественных произведений и публичной программы. Что касается обоснования инклюзивных программ, то музейные сотрудники объясняют их необходимость через призму борьбы с социальной эксклюзией (исключением людей с инвалидностью из активной социальной и культурной жизни). В стремлении соответствовать принципу взаимодействия разных посетителей друг с другом на площадке создатели обоих проанализированных

в статье выставочных проектов предлагали посетителям стать наблюдателем или участником диалога. Так, в Музее «Гараж» посетителям предлагалось сравнить экспликации к работам от куратора и единомышленника, посетить совместные мероприятия для людей с инвалидностью и людей без инвалидности. В ГЦСИ принцип взаимодействия и вовлеченности был обеспечен партиципаторностью проекта, призывающего посетителя взаимодействовать с художественными объектами, а иногда с самими художниками. Однако важно отметить, что как инклюзивные были заявлены мероприятия, которые в действительности разделяли аудиторию, поскольку были адаптированы только для одной группы посетителей, согласно особенностям их восприятия, что не соответствует принципам инклюзии. Расширение аудитории инклюзивных программ в Музее «Гараж» от исключительно людей с инвалидностью к людям с миграционным опытом и опытом вынужденного переселения, а также исследование более общих тем неравенства, стигматизации и репрезентации тех или иных социальных групп свидетельствуют о влиянии на эти программы концепции разнообразия.

Одной из особенностей инклюзивных практик в российских музеях является также их институциональный характер при отсутствии масштабных общественных движений. Несмотря на взаимодействие кураторов с посетителями в процессе создания выставок, в российской художественной среде проблема инклюзивности все еще не является существенной для аудитории и художников⁶. В США и странах Европы наблюдается совершенно иная ситуация. Многие инициативы создаются именно представителями «угнетенных» групп, выпадающих из конвенционального европоцентристского художественного дискурса: художниками «третьего мира», идеологами постчёрного искусства, феминистского искусства, квир-искусства, художниками с инвалидностью и другими (Arts Council England 2013). Тем не менее, включение российских музеев в полемику об инклюзии является частью глобального процесса (постмодернистского по своему характеру) преодоления классического типа мышления, характеризующегося рациональностью, системностью, верой в необходимый научный и технологический прогресс. Несмотря на то, что инклюзивные практики в музеях являются частью единого процесса демократизации и базируются на основных тенденциях инклюзивного дискурса, они не лишены потенциала к поднятию еще не раскрытых в инклюзивном поле тем. Предложенный анализ показывает, что музеи предлагают понимать инклюзию также сквозь призму понятия заботы о Другом, сопереживания ему. Обращение к понятию заботы может привести к разработке иной концепции инклюзии, на базе которой музеи могут создавать инклюзивные программы. Исследование этого аспекта инклюзии может предложить новые методы взаимодействия и решения задач инклюзии.

1. В исследовании используется формулировка «люди с инвалидностью» как альтернатива менее корректным, на наш взгляд, терминам «люди с ограниченными возможностями» (ОВЗ), «инвалиды», поскольку инклюзивный подход основывается на социальной модели понимания инвалидности, рассматривающей инвалидность, как результат социального взаимодействия, а не сущностную характеристику человека.
2. Следует отметить, что отдельными исследователями предпринимались попытки концептуализации инклюзии в музейном пространстве. Например, понимание музейной инклюзии в рамках концепции музея как агента социальной инклюзии (см.: Sandell R 1998: 401—418) или как практик по поддержанию музейной экосистемы (см.: Jung 2011: 321—338). Однако данные концепции инклюзии пока не представлены в российской музейной среде.
3. Помимо медицинской и социальной (социокультурной) моделей понимания инвалидности, исследователи выделяют моральную (религиозную), административную, политэкономическую, дискурсивную модели, модель личной трагедии, модель благотворительности, модель меньшинств и другие (подробнее см. Ярская-Смирнова и Большаков 2018: 11—21).
4. С появлением инклюзивных программ в российских музеях увеличилось и число русскоязычных методических пособий для музейных сотрудников. См. также опубликованный в этом номере обзор русскоязычных методических пособий, сделанный Еленой Ярской-Смирновой и Никитой Большаковым (2020). Однако если говорить об инклюзивном дискурсе в России, то доминирующей методологией инклюзивных программ следует назвать методологию образовательных практик для людей с инвалидностью.
5. В оригинальном тексте используется формулировка «люди с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)».
6. Однако не следует полагать, что в России общественное движение вовсе отсутствует. История арт-активизма в России насчитывает уже несколько десятилетий и своими корнями уходит к деятельности Андрея Монастырского и художественной группы «Коллективные действия. Сегодня в России арт-активисты, художники с активной гражданской позицией и инициативные граждане страны уже достаточно громко говорят о гендерном неравенстве (Pussy Riot, «Швелмы»), о проблемах людей с инвалидностью (Антон Рьянов, Алена Лёвина), людей, живущих в ПНИ (Катрин Ненашева, проект «Новые городские художники»), людей с миграционным опытом и опытом вынужденного переселения (Ольга Житлина); однако мы практически не наблюдаем сращения между художественным активизмом и инклюзивными практиками культурных институций.

Благодарности

Автор благодарит двух независимых анонимных рецензентов за их ценные советы и комментарии.

Библиография

1. Алехина С; Семаго Н; Фагина А; Гусева Т (ред) (2010) *Инклюзивное образование. Выпуск 1*. Москва, Центр «Школьная книга».
2. Алехина С (2014) Принципы инклюзии в контексте изменений образовательной практики. *Психологическая наука и образование*, 19(1): 5–16.
3. Алехина С (2016) «Инклюзивное образование: от политики к практике». *Психологическая наука и образование*, 21(1): 136–145.
4. Астоянц М; Россихина И (2009) Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия. *Известия Южного федерального университета. Педагогические науки*. 12:51–58 (22.08.2020).
5. Афонькина Ю (2015) Социальная инклюзия лиц с инвалидностью и проблема человеческого достоинства. *Современные исследования социальных проблем*, 11(55): 149–162.
6. Ахметова Д; Нигматов З; Челнокова Т; Юсупова Г (2013) *Педагогика и психология инклюзивного образования: учебное пособие*. Казань, Издательство Института экономики, управления и права «Познание».
7. Благотворительный фонд «Гольфстрим» (2019) Музей участия – «Искусство быть», <https://golfstreamfond.ru/iskusstvo-byt-2019/> (22.08.2020).
8. ГМИИ им. А.С. Пушкина (2019) Посетителям с инвалидностью. Программа, https://pushkinmuseum.art/visitors/accessible_museum/festival/index.php?lang=ru (22.08.2020).
9. Дарвиновский музей (2016, 22 декабря) Инклюзивный музей, <http://www.darwinmuseum.ru/pages/integraciya-i-adaptaciya-invalidov> (1.09.2020)
10. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) (2011) Инклюзивное образование в России. Комплект информационно-методических материалов. РООИ «Перспектива», <https://perspektiva-inva.ru/userfiles/education/publication/incliuzivnoe-obrazovanie-v-rossii.pdf> (22.08.2020).
11. Конвенция о правах инвалидов (2006, 13 декабря) Организация Объединенных Наций, https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (22.08.2020).
12. Малофеев Н (1996) *Специальное образование в России и за рубежом: В 2-х частях. Часть 1: Западная Европа*. Москва, Печатный двор.
13. Министерство культуры РФ (2015, 16 ноября) Приказ Министерства Культуры от 16 ноября 2015 г. № 2800 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов культурных ценностей и благ». Официальный интернет-портал правовой информации, <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201512150054> (21.08.2020).
14. Музей современного искусства «Гараж» (2015, 29 сентября) Открытие первого в России отдела инклюзивных программ, <https://garagemca.org/ru/news/2015-09-29-garage-has-launched-the-department-of-inclusive-programs> (22.08.2020).
15. Музей современного искусства «Гараж» (2016) Выставка «Единомышленники», <https://garagemca.org/ru/exhibition/co-thinkers> (22.08.2020).

16. Музей современного искусства «Гараж» (2019) Выставка «Единомышленники» в Арсенале в Нижнем Новгороде, <https://garagemca.org/ru/event/co-thinkers-at-the-arsenal-in-nizhny-novgorod> (22.08.2020).
17. Музей современного искусства «Гараж» (2020) Цикл дискуссий «Новая этика, стигма и неравенство», <https://garagemca.org/ru/event/a-cycle-of-discussions-the-new-ethics-stigma-and-inequality> (22.08.2020).
18. Петров В; Кантемирова И (2019) Феномен социальной эксклюзии/инклюзии в аспекте образовательной деятельности детей с ограниченными возможностями здоровья. *Вестник АГУ*, 2(239): 129–137.
19. Романов П; Ярская-Смирнова Е (ред) (2008) *Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации*. Москва, МОНФ, ЦСПГИ.
20. РОСИЗО (2019) Выставочный проект: «Искусство быть», <https://www.rosizo.ru/events/event/1424/> (22.08.2020).
21. Россихина И (2010) *Социальная инклюзия студентов как функция учреждения среднего профессионального образования*. Диссертация, Южный федеральный университет, Новочеркасск.
22. Саламанкская декларация и Рамки действий по образованию лиц с особыми потребностями, принятые Всемирной конференцией по образованию лиц с особыми потребностями: доступ и качество (1994, 7–10 июня 1994) Организация Объединенный Наций: официальный сайт, http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/salamanka.pdf (02.08.2020).
23. Федеральный закон № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» (2012, 4 мая) Официальный интернет-портал правовой информации, <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201205040005> (21.08.2020).
24. Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (2012, 30 декабря) Официальный интернет-портал правовой информации, <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201212300007> (21.08.2020).
25. Федеральный закон № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016) (2011, 7 декабря) Официальный интернет-портал правовой информации, <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152833> (21.08.2020).
26. Фуряева Т (2018) *Социальная инклюзия: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры*. Москва, Издательство Юрайт.
27. Шаповал И (2019) Социальная инклюзия лиц с ограниченными возможностями здоровья де-юре и де-факто: «включаемые», «включающиеся», «невключающиеся». *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, 1: 84–99.
28. Ярская-Смирнова Е; Лошакова И (2003) Инклюзивное образование детей-инвалидов. *Социологические исследования*, 5: 100–106.
29. Ярская-Смирнова Е, Большаков Н (2018) Модели понимания инвалидности. В: Сарычева М (ред), *Музей ощущений: слабовидящие и незрячие*

- посетители. Опыт Музея современного искусства «Гараж». Москва, Музей современного искусства «Гараж», опубликовано онлайн. URL: https://cdn-static-garagemca.gcdn.co/storage/tinymce_asset/2/3/2356/file-3238eb15-7c5f-465d-ae26-87e619b3a6fd.pdf (22.08.2020).
30. Allman D (2013) The sociology of social inclusion. *SAGE Open*, January–March 2013: 1–16.
 31. Arts Council England (2013) Equality and diversity within the arts and cultural sector in England. Evidence and literature review final report, https://www.artscouncil.org.uk/sites/default/files/download-file/Equality_and_diversity_within_the_arts_and_cultural_sector_in_England.pdf (22.08.2020).
 32. Coleman LE (2018) *Understanding and Implementing Inclusion in Museums*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers.
 33. Eller JD (2015) *Culture and Diversity in the United States: So Many Ways to Be American*. London, Routledge.
 34. Farrington F (2002) Towards a useful definition: Advantages and criticism of 'social exclusion'. *GEOView: Online Undergraduate Review of Geography and Environmental Studies*, published online first. URL: https://www.researchgate.net/publication/242513425_TOWARDS_A_USEFUL_DEFINITION_ADVANTAGES_AND_CRITICISMS_OF_SOCIAL_EXCLUSION (21.07.2020)
 35. Gilor O and Katz M (2018) From normalization to inclusion: Effects on pre-service teachers' willingness to teach in inclusive classes. *International Journal of Inclusive Education*. DOI: <https://doi.org/10.1080/13603116.2018.1559365> (22.08.2020).
 36. Goethe JW (1974) *Maximen und Reflexionen*. Goethes Werke in 12 Bänden. Bd. 7. Aufbau-Verlag, Berlin, Weimar.
 37. ICOM (2019, January 24) Museums as cultural hubs: The future of tradition, <https://icom.museum/en/news/imd2019-museums-as-cultural-hubs-the-future-of-tradition/> (22.08.2020).
 38. Jung Y (2011) The art museum ecosystem: A new alternative model. *Museum Management and Curatorship*, 26(4): 321–338.
 39. McCormick K (2007, February 1) The evolution of workplace diversity. 15th Annual Advanced Employment Law Course: State Bar of Texas, 1–2 February 2007, Dallas, Texas, USA, published online first. URL: https://www.texasbarcle.com/Materials/Events/6369/4079_01.pdf (29.07.2020).
 40. Osgood RL (2005) *The History of Inclusion in the United States. The History of Inclusion in the United States*. Washington, D.C., Gallaudet University Press.
 41. Sandell R (1998) Museums as agents of social inclusion. *Museum Management and Curatorship*, 17(4): 401–418.
 42. Shakespeare T (2010) The social model of disability. In: Lennard J. Davis (ed), *The Disability Studies Reader*. New York, Routledge: 197–205.
 43. Silver H (1994) Social exclusion and social solidarity: Three paradigms. *International Labour Review*, 133: 531–578.

Об авторе

Мария Щекочихина — менеджер отдела инклюзивных программ Музея современного искусства «Гараж», выпускница философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Организатор конференций «Музей ощущений: незрячие и слабовидящие посетители» и «Музей ощущений: люди с миграционным опытом», участник конференций по вопросам обеспечения доступной среды для людей с различным опытом, соавтор социокультурных проектов, направленных на поддержание разнообразия в обществе.

Почтовый адрес: 119049, Москва, ул. Крымский Вал, д. 9, стр. 32.

E-mail: m.shchekochikhina@garagemca.org; m.shchekochikhina@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-8205-2004.

ISSN-2633-4534

thegaragejournal.org